

В. ГАЛЬЧЕНКО

ОГОНЬ - НЕВИДИМКА

В. ГАЛЬЧЕНКО

ОГОНЬ-НЕВИДИМКА

РАССКАЗЫ

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1982

Р 2
Г 17

Художник Т. В. Бирюкова

Гальченко В. К.
Г 17 Огонь-невидимка: Рассказы.—
Краснодар: Кн. изд-во, 1982.— 30 с.

Короткие рассказы о пожарниках.

Г $\frac{70801-9}{M146(03)-82}$ 82-82 4803010102 Р2

ПЕРВЫЙ ПОЖАР

В нашей пожарной части появился новый боец — Илья Оськин. Боец как боец, только ростом — огромный. А ноги такие! На складе хороших сапог для него не нашли. Подобрали из бывших в ремонте.

Аркадий Семёнович Зотов — наш командир — перед новым бойцом будто в росте уменьшился. Посмотрел на Илью снизу вверх, удивился:

— Вот это боец! Богатырь! Илья Муромец! Но сапоги, хоть и старые, надо начистить до блеска. Форму тоже неплохо бы

выгладить. Настоящий пожарный должен во всём быть примером. Уяснили?

— Уяснил,— отвечает боец. И к другому дежурству не только начистил свои сапоги, но и форму как следует отутюжил. Принимаем дежурство... Тревога!

Быстро надеваем боевую одежду и выезжаем. А у места пожара народу — толпа. Все смотрят вверх. Из окна на шестом этаже дым валит. Высоко! Наша лестница-трёхколенка туда не достанет. Надо вызывать спецмашину.

Смотрим, наш новичок разогнался, подпрыгнул и р-раз! — вцепился в балкон на втором этаже. На руках подтянулся, влез на него и совсем уже без труда со второго на третий. Так с этажа на этаж, до шестого. Цирк, да и только! Мы внизу от восхищения рты пооткрывали. А с высоты уже полетели: раскалённый утюг, обгоревшее одеяло, дымящийся стол...

Пяти минут не прошло, новичок из подъезда выходит.

— Порядок,— говорит,— затушил.

Командир наш сияет. Доволен новым бойцом. Наверняка теперь благодарность объявит.

Между тем нам пора уезжать. Аркадий Семёнович повернулся к толпе:

— Есть здесь хозяин квартиры? Надо акт о пожаре составить.

— Есть хозяин, есть! Вот он! — зашумели вокруг и показывают пальцем на нашего новичка.

«Что такое?»

А тот смутился и не знает, куда глаза свои спрятать.

— Правда,— отвечает,— квартира моя. Утром чистил, гладил, на службу спешил и забыл... про уют. Не выключил.

Побледнел командир. Что-то хотел нам сказать, но не смог. Лишь рукой показал: «по машинам».

А нам стало ясно, что благодарности новичку не получить ещё долго. Даром что богатырь.

САПОГИ

Месяц служил Илья, второй, третий. Осенью получаем мы новые сапоги. Построил нас командир и спрашивает:

— Все получили?

— Никак нет,— отвечает Илья Оськин.— Моего, сорок пятого, размера на складе не оказалось.

На следующее дежурство командир опять его спрашивает:

— Ну что, получили сапоги наконец?

— Никак нет,— отвечает.— Не получил.

Остался Оськин в своих старых. Как только где-нибудь пожар, так его ноги и мокрые. А зима на носу. Никак пожарному без хороших сапог нельзя.

Но вот однажды заступаем мы на дежурство, Аркадий Семёнович торжественно перед строем вручает ему сапоги.

— Специально в воинской части сорок первый на сорок пятый размер обменял. Берегите. На год!

Примерил Оськин сапоги, а они как по нему и сшиты. Ходит в обнове как именинник.

И вдруг тревога! Пожар! Приезжаем — горят мастерские автохозяйства. Раскалённый шифер трещит, будто кто-то холостыми патронами стреляет. Начальник мастерских тут же бегаёт, руками размахивает. Подбегает к нам.

— Осторожно! — кричит. — Кислота в мастерских. Не взорвётся.

Мы — на крышу. Разбираем её и тушим. А Оськин, отчаянная голова, в мастерскую пролез и крышу изнутри поливает. Всё, что мы сверху льём, — всё на нашего новичка течёт. Всё, что Илья снизу вверх направляет, на него и возвращается. Одежда на нём мокрая, хоть выжимай. А ноги сухие. Сапоги-то новые!

Затушили пожар. Командир осмотрел мастерскую, подходит к Илье. Хочет его похвалить, посмотрел на ноги и ахнул.

— Это что, — говорит, — такое?

Сапоги у Оськина стали рыхлые. Дымятся и на глазах расползаются.

— Да так... — отвечает, — вот не заметил и в кислоту... наступил.

Ведь надо же — он своим сорок пятым размером стеклянную бутылку с кислотой раздавил! На один лишь пожар ему новых сапог и хватило!

ОГОНЬ-НЕВИДИМКА

Хороший в нашей пожарной части сигнал тревоги. Голос у него особенный: «Улю-лю-лю-лю!..» И вот однажды как заулюлюкает! Помчались мы. Приезжаем к месту пожара — к подвалу хозяйственного магазина. Командир оценил обстановку и приказывает: «Готовиться в разведку».

Надеваем мы противогазы с кислородными баллонами, берём с собой лом, электрический фонарь и спускаемся в подвал. Первым — Аркадий Семёнович Зотов, следом — Илья Оськин, я — замыкающий. В руках у нас спасательная верёвка, чтобы на обратном пути не заблудиться. Идём мы в дыму, на ощупь, и верёвочку разматываем. От фонаря сизый круг впереди в дымовую завесу, будто в стену упирается. Ни зги! Потерять друг друга ничего не стоит. Только верёвочка и выручает.

Большой оказался подвал. Где что горит, непонятно. К очагу загорания подошли, а огонь разыскать всё не можем. В противогазах уже кислород на исходе. Пора возвращаться.

— Назад! — командует Аркадий Семёнович.

Мы по верёвочке — и на выход. Поднимаемся, смотрим: «А где же Илья? Неужели на обратном пути потерялся? Ну, — думаем, — кончится у него кислород, пропал парень! Надо его выручать».

Меняем в противогазах кислородные баллоны — и снова в подвал. Только спустились — Оськин у самого выхода топчется, а куда выбираться, не видит. Вот что значит в дыму от верёвочки оторваться!

Помогли мы ему. Вышли наверх, и Оськин упал. Кислород в его противогазе на нуле — до конца израсходовал! Сорвали мы с него маску. Бедняга сидит, отдышаться не может.

— Матрацы, — говорит, — в подвале горят!

Только тут мы заметили, что рядом с Ильёй на снегу три матраца дымят.

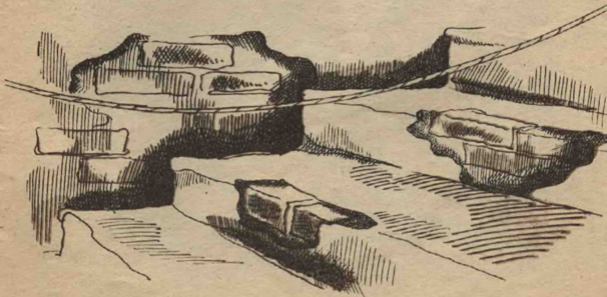

Теперь уже всем караулом спускаемся тем же маршрутом. Отыскивали матрацы. Ломом нащупали, присмотрелись — и верно горят! Растаскиваем мы их и водой из пожарного ствола поливаем. Сами от пота мокрые, а матрацы никак не затушим. Сквозь вату вода не проходит. Потащили и мы их наверх.

Тут подкатило подкрепление из соседней пожарной части. Таскали мы, таскали матрацы, возле магазина весь двор завалили. Только к вечеру и управились.

А вечером, после ужина, собирает нас командир и «герою» прошедшего дня Илье Оськину говорит:

— Молодец, что матрацы нашёл, что огонь обнаружил. Но впредь помни: человек нам дороже полосатых матрацев. Сказано в уставе: от спасательной верёвки не отрываться — значит держись. Люди придумали её, и не зря!

ПЕТЛЯ

Спасательная верёвка у пожарных всегда наготове — даже смотана по-особому. Схватишь её за конец, дёрнешь — и она размоталась. Хоть в подвал с ней иди, хоть пострадавших людей из высотных домов опускай.

Вот однажды в учебном классе Оськин пыхтит от усердия, вяжет своего командира. Учится спасанию пострадавших. Одну петлю под колени, вторую под поясницу, третью под голову...

А Аркадий Семёнович всё недоволен:

— Слабо вяжете, слабо! Очнётся человек, шевельнётся — и выскользнет из вашей петли. Полетит с высоты третьего этажа, и тогда уж вряд ли спасёте. Ложитесь-ка сами, покажу ещё раз.

Командир берёт спасательную верёвку и становится над Ильёй. Быстро наклоняется... Петлю под поясницу, петлю под колени, петлю под голову... Несколько секунд — и Илья связан. Глаза от удивления таращит, а шевельнуться не может.

И вдруг... тревога!

Мы все — в гараж. Оськин кричит: «Стойте! Развяжите меня!» Да где там! Мы про него и забыли.

Далеко — за двенадцать километров от части — загорелся совхозный телятник. К нашему приезду почти вся деревянная постройка была охвачена пламенем. В телятнике метались обезумевшие животные. Оглушительное мычание, крики людей, треск пылающих балок...

Аркадий Семёнович быстро отдавал приказания:

— Два бойца — эвакуировать животных. Один со стволом первой помощи — на защиту соседней постройки. Остальные — на тушение крыши.

На тушение стен и пылающей крыши оставалось лишь двое пожарных. Огонь торжествовал. Казалось, водяная струя испаряется, не долетая до цели. Снег вокруг почернел. Из от-

крытых дверей выбегали телята, один из них с диким рёвом промчался, неся на спине клок горящего сена. Внутри всё затихло. Только пуше затрещало горящее дерево, загудел огонь. Языки пламени взметнулись до самого неба, люди вокруг отступили, прикрывая руками лицо...

И вот крыша рухнула. Искры фонтаном взметнулись над местом пожара, огонь, недовольно шипя, начал сдаваться. За клубилось облако белого пара.

Наконец командир спохватился:

— А где Оськин?

И надо же: кто-то сказал, будто видел, как Оськин, спасая животных, вбегал в телятник...

«Неужто сторел?»

Молча, с дрожью в руках стали мы разбирать обгоревшие брёвна.

И вдруг смотрим — по дороге к месту пожара бежит сам Илья. Бежит в полной боевой одежде, из-под каски пот брызгами во все стороны разлетается. Вот это настоящий боец! Двенадцать километров бегом — на пожар!

А Аркадий Семёнович понял, в чём дело, и пошутил:

— Значит, всё-таки слабо связал я его, раз он вырвался из петли... Слабо!

УКРОТИТЕЛЬ

Однажды пришлось нам спасать диких зверей. Загорелся цирк! На машинах въезжаем в хозяйственный двор. Суматоха! Одни тащат из помещений цирковые костюмы, другие — мебель. Пожар рядом с клеткой. От ужасного львиного рыка дыбом поднимаются волосы!

Укротитель с пистолетом в руке подбегает к нашему командиру.

— Надо их застрелить! Надо их застрелить! Они сломали решётку! Могут быть жертвы!

— Так стреляйте, — говорит командир.

— У меня холостые патроны.

— Тогда не мешайте работать! — рассердился Аркадий Семёнович.

Укротитель за голову схватился и убежал.

Между тем мы уже проложили рукавную линию для подачи воды. Спешим: дикие звери в дыму погибают быстрее людей.

Вдруг видим: Илья Оськин запирает ворота и бегом в помещение. Аркадий Семёнович — следом. Только к дверям... и отскакивает!.. Из дверей один за другим выбегают львы. Они мечутся по двору, но высокий забор и ворота мешают им выйти на волю. Люди прячутся кто куда.

А среди хищников появляется Илья Оськин. Он хватает одного за гриву и умирляет:

— Сидеть, тебе говорят! Сидеть!

И лев неожиданно... подчиняется. Львица ошетила шерсть, но чихнула и тоже присела. За ней — остальные.

— Спокойно! — говорит Оськин. — Без паники!

Львы трут лапами морды, а Оськин возвращается в цирк и снова выходит, теперь уже с обезьяной. Та вертится у него на руках, а в пальцах сжимает, не выпускает коробочку спичек!

Появляется укротитель со своим пистолетом.

— Я патроны,— кричит,— нашел! Отойдите от хищников, граждан. Иначе я за вашу жизнь не ручаюсь!— это он Оськину.

А Илья отнимает у обезьяны коробок со спичками и спрашивает:

— Ваш?

— Мой...

Сказал укротитель и побледнел. Даже пистолет уронил. А львы увидели его без пистолета и вовсе рычать перестали.

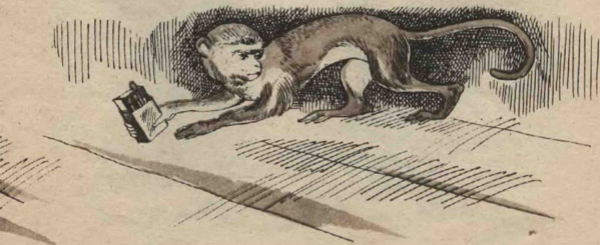
Тем временем мы затушили пожар. Из всех окон дым, но цирк цел. Лишь в одном помещении дотла сгорел большой шкаф с цирковыми костюмами.

После этого приключения Оськина месяц звали «укротителем львов».

А на вопрос; почему он не испугался хищников, Илья отвечал:

— Я их узнал. Они в кино снимались. Ручные.

Потом мы специально проверили и точно установили, что эти львы в кино не снимались ни разу.

КАК НАС СНИМАЛИ В КИНО

Командир нас построил и говорит:

— Кто хочет быть поджигателем?

Мы пожали плечами: непонятный вопрос.

— Нет желающих? Выезжаем сниматься в кино,— объявил командир.— Приготовить канистру с бензином. Поджигателем назначаю пожарного Оськина.

Для съёмок фильма киногруппе разрешили сжечь три старых дома, которые всё равно собирались сносить. Время выбрали — после обильных дождей, чтоб случайно не загорелся весь город.

И вот мы на месте событий.

— Представьте себе — горит дом! — тут же начал втолковывать нам режиссёр.

А для нас это проще простого.

Мы представили — горит дом.

— От него загорелся деревянный забор.

Мы представили горящий забор.

— Снимать будем по эпизодам. Поджигайте забор!

Аркадий Семёнович это только и ждал.

— Боец Оськин!

— Я!

— Поджигайте забор!

Оськин щедро облил бензином забор, отставил подальше канистру и чиркнул спичкой...

Оператор в кепке с большим козырьком приготовился было начать съёмку, но режиссёр его удержал.

— Подождём. Пусть начнут гореть доски.

Но доски не загорелись. Бензин весь сгорел, а забор только чуть закоптился.

— Поджигайте ещё раз! — приказал командир.

Илья снова полил из канистры забор и поджёг. Но и в этот раз доски не загорелись. Оськин вылил остаток бензина, поджёг в третий раз, но увыл..

— Вы плохой поджигатель! — сказал командир.

— Да не я виноват, а забор! Он сырой, ведь недавно был дождь...

Подошёл режиссёр.

— М-да... — сказал режиссёр. — Очень плохо. Снимаем другой эпизод. Жгите дом.

Оськин молча указал на пустую канистру.

— Ничего. Изнутри дом сухой, деревянный, вспыхнет как порох! — сказал режиссёр.

Мы сложили внутри дома костёр, подожгли его и вернулись к машинам. Оператор надвинул на глаза свою кепку с большим козырьком и снова приготовился к съёмке. Из окон обречённого дома повалил густой дым.

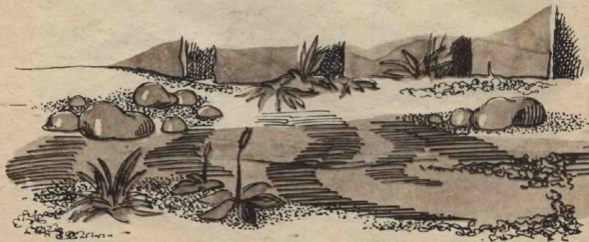
Мы наготове. Наконец режиссёр взмахнул рукой, кинокамера в руках оператора зажужжала.

— Подать для тушения воду! — приказал командир.

За минуту мы раскатали два рукава, дали воду. Ударили мощные струи. Ещё полминуты, и дыма не стало.

— Стоп, стоп, стоп! — закричал режиссёр. — Не так быстро! Мы ничего не успели снять. Всё сначала!

Пришлось поджигать другой сухой дом. Теперь мы работали не спеша. Воду давали по капле.

— Да кто же так тушит? — опять раздражённо сказал режиссёр. — По сценарию в доме есть люди, их надо спасать! Представляете?

Мы представили и... моментально залили огонь.

— Нет, дальше так продолжаться не может! — устало сказал режиссёр. — Остался один сухой дом. Перерыв. Возвращайтесь пока в свою часть, мы вас вызовем по телефону.

Делать нечего, возвращаемся. Пообедали, ждём. Прошёл час, полтора. «Наверно, — думаем, — передумали фильм снимать». Вдруг звонок!

— Приезжайте скорее! Горит!

— Что горит?

— Всё горит!

— Кто говорит?

— Режиссёр.

Надеваем боевую одежду и выезжаем. С сиреной промчались по городу, видим — настоящий пожар! Все три дома горят! Деревянный забор полыхает, трещит! Люди с ведрами бегают, тушат. Сам режиссёр тоже воду носит в бидоне. И лишь оператор надвинул на глаза свою кепку, закрылся большим козырьком и с кинокамерой лезет в самое пекло!

Раскатали мы рукава, дали воду. Вдруг смотрим: Илья Оськин бросает свой ствол — и бегом к оператору.

— На вас, — кричит, — кепка горит!

Тот не слышит. Тогда Оськин хватается оператора и тащит его от огня. Оператор сопротивляется, ругается на чём свет стоит.

— Вы хулиган! — говорит. — Вы за это ответите!

А дома уже так разгорелись — близко не подойти. Аркадий Семёнович видит — не потушить нам огонь.

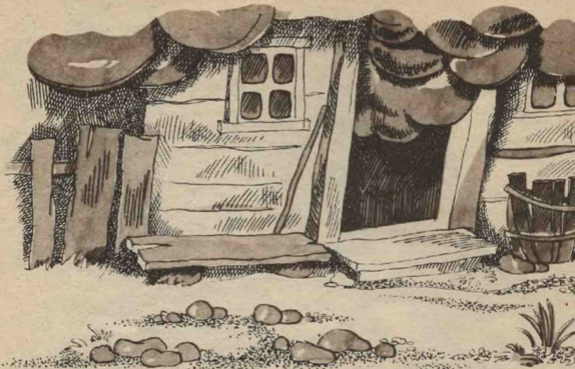
— Прекратить! — отдаёт приказание. — Все на защиту соседних стросней!

Мы меняем стволы, охлаждаем дома по соседству, чтоб тоже не загорелись, а командир наш к машине.

— Прошу выслать помощь! — кричит он по радио.

Через пять минут отовсюду, со всех концов города стали

съезжаться пожарные. Кое-как затушили остатки домов. Осмотрели пожарище. Забора как не бывало. Одни головёжки остались. Ведь надо же! Когда специально его поджигали, гореть не хотел!

— Я буду писать на вас рапорт,— сказал командир режиссёру.— Так можно весь город спалить!

Режиссёр — чёрный, в копоты, только зубы блестят.

— Дело в том,— говорит,— что, пока вы обедали, мы изменили сценарий. Теперь назовём его «запоздалый вызов по-

жарных». А этого бойца,—показал он на Оськина,—прошу наказать. Он мешал оператору снимать эпизод.

Командир строго взглянул на Оськина, и нам стало ясно — выговор ему обеспечен.

ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

На груди у нашего командира Аркадия Семёновича Зотова медаль «За отвагу на пожаре». Он не раз спасал людей из огня. А однажды случилась такая история...

Наши красные пожарные машины возвращались с учений. Ливень хлестал по кабине, поливал ветровое стекло. Вдруг впереди, на шоссе, мы увидели женщину в белом халате.

— Стойте!— кричала она.— Стойте! Детей водой заливают!

За оградой детского сада бурлила вода. Она быстро заливала деревянный настил беседки, на котором сгрудились семеро детишек в костюмах козлят.

Мы поспешили на помощь. Командир шёл впереди, мы — за ним. Потоки воды били по ногам. Едва не падая, мы разобрали «козлят» и перенесли на высокое крыльцо.

Наш командир снова зашагал к беседке. Там, на единственной табуретке, сидел с поджатыми ногами «серый волк». Он был ещё совсем сухой, и командир не спешил его выручать.

— Ты что здесь делаешь?— строго спросил командир.— Почему это ты, серый волк, оказался среди козлят?

— Я их буду есть!— тоненьким голоском ответил «волк».

— Ах, вот ты какой! Тогда оставайся один.

— Я их не взаправду съем,— испуганно пообещал «волк». — У нас, дядя, была репетиция, а тут вода...

— Ну, если не взаправду, держись крепче.— Командир подхватил «волка» и перенёс его на крыльцо.

ПАХНЕТ ДЫМОМ

В нашем деле спокойствие — прежде всего. Даже если вокруг суетятся, кричат, паникуют. Пожарный в любой обстановке обязан сохранять хладнокровие.

Однажды пришлось нам работать всю ночь. Потушили большой и опасный пожар. Все устали и все прокоптились в дыму.

Утром наше дежурство закончилось. Сел я в троллейбус. Еду домой.

Вдруг старушка рядом со мной побледнела и говорит:

— Ой, родимые, дымом запахло!

Пассажиры забеспокоились:

— Пахнет!

— Здесь что-то горит!

— Мы горим! — всполошилась старушка, схватилась за сумку — и к выходу.

— Двери откройте! Постучите водителю!

Все зашумели, повскакали с мест, началась давка. Водитель круто затормозил, открыл двери, и пассажиры бросились на мостовую.

Остался один только я. Я сижу, не пойму, что случилось. Наконец догадался: ведь дымом-то от меня пахнет. Так прокоптился за ночь на пожаре, что за версту слышать.

Вышел я из троллейбуса. И хоть устал за ночь, пошёл домой пешком.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый пожар	3
Сапоги	6
Огонь-невидимка	9
Петля	12
Укротитель	15
Как нас снимали в кино	19
Волк и семеро козлят	26
Пахнет дымом	28

Винтор Кириллович Гальченко

ОГОНЬ-НЕВИДИМКА

Рассказы

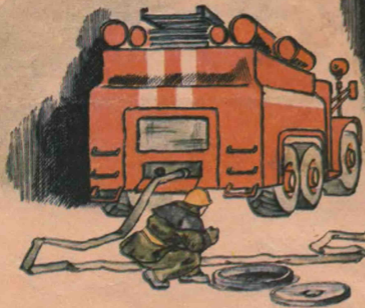
Для дошкольного возраста

Редактор Л. И. Муратова
Художественный редактор Б. Д. Недоспасов
Технический редактор Л. В. Терещенко
Корректор Т. И. Козедуб

ИБ № 1050

Сдано в набор 23.10.81. Подписано в печать 19.01.82. Формат бумаги 70 x 84/16. Вумага типографская № 2. Гарнитура шрифта литературная. Offsetная печать. Усл. печ. л. 2,18. Усл. ир.-отт. 5,04. Учетно-изд. л. 1,98. Тираж 300 000 (2-й завод 100 001—200 000). Заказ № 4828. Цена 10 коп.

Краснодарское книжное издательство. Краснодар, улица имени Кирова, 3. Типография издательства «Советская Кубань». Краснодар, улица имени Шаумяна, 106.

10 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1982